УДК 323.2 DOI 10.63874/2218-0273-2026-1-85-92

***Александр Леонидович Евсеенко***
*аспирант 1-го года обучения каф. политологии*
*Белорусского государственного экономического университета*
***Alexander Evseenko***
*1-st Year Postgraduate Student of the Department of Politology*
*of Belarusian State University of Economics*
e-mail: evseenko@bseu.by

# ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: ОТ АНТИЧНОГО ПОЛИСА К ЦИФРОВОМУ ОБЩЕСТВУ

*Представлен сравнительно-исторический анализ трансформации форм политического участия. Прослеживается эволюция от прямой демократии античного полиса через представительную систему национальных государств к сетевым формам взаимодействия в цифровую эпоху. Особое внимание уделяется феномену «Неополиса» – виртуального пространства, имитирующего прямую демократию. На основе трудов классиков политической мысли и современных исследователей выявляются ключевые различия в субъектности, ответственности и качестве дискуссии между античной и цифровой моделями. Делается вывод о необходимости развития гибридных форм демократии и повышения цифровой грамотности для преодоления кризиса представительства.*

***Ключевые слова:*** *политическое участие, античный полис, представительная демократия, цифровизация, электронное голосование, сетевой активизм, «Неополис», цифровое неравенство.*

## *Evolution of Political Participation: from the Antique Polis to a Digital Society*

*The article presents a comparative-historical analysis of the transformation of forms of political participation. It traces the evolution from the direct democracy of the ancient polis through the representative system of nation-states to the networked forms of interaction in the digital age. Special attention is paid to the phenomenon of the «Neopolis», a virtual space that mimics direct democracy. Based on the works of classical political thinkers and contemporary researchers, the article identifies key differences in subjectivity, responsibility, and the quality of discussion between the ancient and digital models. The article concludes that it is necessary to develop hybrid forms of democracy and improve digital literacy to overcome the crisis of representation.*

***Key words:*** *political participation, ancient polis, representative democracy, digitalization, electronic voting, network activism, Neopolis, digital inequality.*

**Введение**

Генезис концепции политического участия неразрывно связан с античной цивилизацией, где впервые в истории человеческой мысли была не только сформулирована, но и институционализирована идея гражданина как активного, суверенного субъекта управления общественными делами. Античный полис, особенно в его афинской демократической модификации V–IV вв. до н. э., представляет собой уникальную историческую форму организации социума, задавшую фундаментальный архетип прямого политического участия, оказавший влияние на последующие политические теории. Как отмечают исследователи Античности, полис был не просто государством в современном понимании этого термина, а «сообществом граждан», где политическое и социальное находились в состоянии нераздельного единства [1, с. 23–25]. Данная характеристика указывает на холистическую природу античной политики, в которой отсутствие четкой границы между государством и гражданским обществом, столь характерной для эпохи Модерна и либеральной традиции, являлось конституирующим признаком. Полис воспринимался его обитателями не как отчужденный аппарат принуждения или бюрократическая машина, стоящая над обществом, а как живое сообщество равных граждан, объединенных общими ценностными ориентирами и культом законов. Фундаментальной философской основой данной модели служила антропология классического периода. Как отмечал Аристотель в своем трактате «Политика»,

*Научный руководитель –Татьяна Александровна Шендик, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Белорусского института стратегических исследований*

«человек по природе есть существо политическое», и только внутри полиса он способен реализовать свою сущность и достичь эвдемонии [2, с. 37]. Это утверждение означало, что политическое участие не рассматривалось как отдельная функция, обязанность или инструмент защиты частных интересов, отчуждаемый от повседневной жизни, – оно составляло саму ткань существования гражданина, являясь высшей формой человеческой активности. Вне полиса человек мог быть лишь богом или зверем, но не полноценной личностью. Частная сфера была функционально и ценностно подчинена публичной, что обеспечивало беспрецедентную для доиндустриальных обществ степень вовлеченности индивидов в принятие коллективных решений. Быть «идиотом» в античном смысле означало быть частным лицом, уклоняющимся от общественных дел, что носило уничижительный оттенок. Субъектом политического участия в Античности выступал гражданин, статус которого носил исключительный, элитарный и привилегированный характер.

В отличие от современных концепций всеобщего избирательного права, базирующихся на принципах универсализма и прав человека, античное гражданство было ограничено узким кругом лиц, что являлось необходимым условием функционирования прямой демократии. Полноправными участниками политического процесса могли быть только взрослые свободные мужчины, рожденные от граждан полиса и обладающие определенным имущественным цензом (в различные периоды). Женщины, рабы, дети и метеки (чужеземцы) были полностью исключены из политической жизни и рассматривались как субъекты, не обладающие рациональной способностью к суждению о благе полиса [3, с. 56–58]. Эта исключительность обусловливала высокую степень корпоративной ответственности гражданина. Поскольку круг участников был ограничен, каждый голос имел значительный вес, а уклонение от участия воспринималось не как личное право, а как позор, моральный дефект и прямая угроза благополучию общины. Институциональная архитектура полиса была направлена на максимизацию прямого участия граждан в управлении и предотвращение узурпации власти. Ключевым органом власти было Народное собрание, где каждый гражданин имел равное право голоса, слова и выдвижения законодательных инициатив. Важнейшим механизмом обеспечения политического равенства и ротации элит являлась система жребия. Большинство должностных лиц в Афинах избиралось не голосованием, которое считалось аристократическим методом, предполагающим выявление лучших, а жребием, что позволяло минимизировать влияние фактических элит, клиентарных связей и обеспечить статистическую репрезентативность власти среди всех граждан [4, с. 88–91]. Такой подход свидетельствует о глубоком недоверии античной демократии к профессионализации политики и стремлении к реализации принципа «правящие и управляемые – одни и те же лица». Институт остракизма служил дополнительным предохранителем против возвышения отдельных лидеров над полисом. Политическая культура Античности характеризовалась высокой интенсивностью и преимущественно устным характером коммуникации. Принятие решений происходило в ходе публичных дебатов на агоре, где ключевую роль играло риторическое мастерство и способность аргументировать свою позицию перед равными. В этом контексте политика понималась как перформативная практика убеждения, а не насилия. Х. Арендт в своем фундаментальном анализе Античности выделяла понятие bios politikos – «политический образ жизни», который считался высшей формой человеческой активности, отличающей человека от животного и ремесленника [5, с. 41–43]. В этой парадигме свобода понималась не в негативном ключе, как «свобода от» вмешательства государства (характерная для либерализма), а в позитивном ключе, как «свобода для» – возможность участвовать в общественных делах и творить историю. Таким образом, античная модель закрепила нормативный идеал участия как непосредственного, ответственного и добродетельного действия, с которым впоследствии будут соотноситься все последующие формы демократии.

Актуальность исследования обусловлена глубокими трансформациями политического пространства в начале XXI в. Кризис традиционных представительных институтов, рост абсентеизма и одновременный всплеск сетевой активности ставят перед

политической наукой вопрос о природе современного участия в жизни социума. Цифровизация не просто добавляет новые инструменты, но меняет сущность взаимоотношений власти и общества. В этом контексте обращение к историческим корням античной модели полиса позволяет выявить архетипы прямого участия и оценить степень их воспроизводимости в современных условиях.

Цель статьи – проследить эволюцию форм политического участия от Античности до цифрового общества и выявить специфику современного этапа через сравнительный анализ.

**Основная часть**

Переход от Античности к Новому времени ознаменовался фундаментальной парадигмальной трансформацией политических институтов, обусловленной качественным изменением масштабов и структуры социальной организации. Формирование национальных государств-наций, характеризующихся обширной территорией, сложной социальной стратификацией и гетерогенным населением, сделало невозможным сохранение полисной модели прямого участия. Это историческое изменение привело к утверждению представительной демократии как доминирующей формы политического устройства эпохи Модерна. Ключевым экзогенным фактором, определившим отказ от прямой демократии, стал количественный рост политических сообществ. Увеличение территориального масштаба и демографической емкости социума сделали физическое собрание всех граждан технически неосуществимым, поэтому потребовались новые механизмы артикуляции воли и агрегации интересов. В теоретическом осмыслении такого перехода центральное место занимает проблема суверенитета и его носителя. Жан-Жак Руссо, критикуя зарождающуюся представительную систему, настаивал на том, что «суверенитет не может быть представлен», поскольку воля народа непередоверима и неотчуждаема, однако признавал практическую неизбежность делегирования властных полномочий в крупных сообществах [6, с. 102–104]. Эта дилемма легитимности стала определяющей для эпохи Модерна, в которой политическое участие приобрело опосредованный, репрезентативный характер. Гражданин уступал часть своего суверенитета представителям на определенный срок, что создавало принципиально новую конфигурацию отношений между властью и обществом. Основными институтами-медиаторами, обеспечивающими коммуникацию между обществом и государством, стали политические партии и выборная система. Российский исследователь Л. В. Сморгунов отмечает, что в современную сетевую эпоху роль партий подвергается трансформации и размыванию, однако в классический период Модерна они выступали безальтернативными агрегаторами социальных интересов и каналами вертикальной мобильности [7, с. 65–67]. Партии выполняли функцию структурирования политического спроса и предложения, превращая разрозненные мнения избирателей в программные документы. Тем не менее институционализация партийных структур породила внутренние противоречия. Как указывал Р. Михельс в своем законе «олигархической тенденции», организационная необходимость неизбежно ведет к «олигархизации», когда партийный аппарат начинает доминировать над рядовыми членами, подменяя цели организации целями собственного выживания и сохранения власти [8, ст. 77–79]. Технократизация управления внутри партий приводила к отрыву элит от базового электората. Параллельно с развитием партийной системы происходило становление рациональной бюрократии как основы государственного управления. М. Вебер определял бюрократию как наиболее эффективную, технически совершенную форму управления, основанную на легально-рациональном авторитете и профессиональной компетентности [9, с. 30–32]. Хотя бюрократизация обеспечивала предсказуемость, стабильность и непрерывность государственного управления, она одновременно создавала структурный барьер для непосредственного участия граждан, замыкая процесс принятия решений внутри закрытого профессионального аппарата. Гражданин превращался в клиента государственной машины, а сложность административных процедур приводила к отчуждению власти от общества. Важнейшим нормативным достижением эпохи Модерна стало постепенное, хотя и неравномерное, расширение круга субъектов политического участия. Включение в политический процесс

рабочих, женщин и этнических меньшинств стало результатом длительных социальных конфликтов и эволюции правовых норм. Дж. Сартори подчеркивал, что расширение участия было не просто моральным императивом, но и необходимым функциональным условием легитимации демократического режима, обеспечивающим его стабильность через инклюзивность [10, с. 145–147]. Универсализация избирательного права стала маркером зрелости демократии, однако количественный рост участников не всегда коррелировал с качеством влияния на принятие решений. Несмотря на расширение формального доступа к избирательным правам, представительная демократия породила феномен политического отчуждения. Гражданин получил право выбирать представителей, но утратил возможность непосредственного влияния на принятие решений в интервалах между электоральными циклами. Й. Шумпетер в своей конкурентной теории демократии описывал демократию не как власть народа в прямом смысле, а как институциональный метод, при котором граждане лишь избирают лидеров, конкурирующих за голоса, что сводит участие к минимальному акту голосования раз в 4–5 лет [11, с. 89–91]. Такая модель, часто именуемая «электрократией», привела к стратификации на профессиональных политиков-менеджеров и пассивный электорат. Вместо постоянного bios politikos Античности, предполагающего непрерывную вовлеченность, утвердилась модель «спящего гражданина», активизирующегося лишь в моменты электоральных кампаний. Указанные процессы сформировали системные предпосылки для кризиса представительства в конце XX – начале XXI в., характеризующегося ростом абсентеизма, популизмом и поиском гражданами альтернативных, внеинституциональных каналов влияния на власть, к которым относятся коллективные действия и протест, гражданская самоорганизация, информационное и медийное влияние, экспертное и аналитическое давление, правовые и квазиправовые механизмы, экономическое давление, культурное и символическое влияние.

Начало XXI в. ознаменовалось принципиально новым этапом трансформации политических практик, связанным с массовым внедрением информационно-коммуникационных технологий. Цифровизация политической сферы фундаментально изменила онтологию и логику коммуникации между гражданином и властью, породив феномен, который в современной политологии обозначается как «цифровой поворот». Данный этап несет в себе амбивалентный потенциал: с одной стороны, технологии демократизируют доступ к информации и инструментам влияния, с другой – создают новые уязвимости для демократических институтов и механизмы скрытого контроля.

А. В. Анищенко в работе «Феномен цифрового политического участия: формы, модели и сущностные аспекты» выделяет следующие ключевые формы цифрового участия: «онлайн-петиции, участие в электронных референдумах, активность в социальных сетях, краудсорсинг политических идей и цифровое волонтерство» [12, с. 43–45]. Он также предлагает многоуровневую модель цифрового участия, включающую информационный (потребление контента), коммуникационный (обсуждение), организационный (координация действий) и управленческий (принятие решений) уровни. Такая градация позволяет выявить, что большинство современных практик сосредоточено на нижних уровнях модели, редко достигая стадии реального управления.

Российский политолог Т. Я. Гринберг отмечает, что цифровая политика создает принципиально новые возможности для вовлечения широких слоев населения, но одновременно порождает системные риски манипуляции общественным сознанием и тонкой настройки предпочтений избирателей через микротаргетинг [13, с. 68–70]. Цифровая среда породила гибридные формы политического участия, которые можно классифицировать по степени институционализации. К формализованным, государственно ориентированным формам относятся электронное голосование, онлайн-петиции и платформы для краудсорсинга законодательных инициатив. В России развитие портала «Госуслуги» и системы онлайн-голосования демонстрирует попытку интеграции цифровых инструментов в контур государственного управления, направленную на снижение транзакционных издержек участия и повышение эффективности обратной связи [14, с. 92–94]. Однако анализ показывает, что их влияние часто ограничивается консультативной функцией и не гарантирует

обязательности учета мнения граждан при принятии окончательных решений, что создает риск имитации вовлеченности. Вторую группу составляют неинституционализированные формы: сетевой активизм, хештег-революции и вирусные флешмобы.

М. Кастельс отмечает, что в сетевом обществе «власть формируется в пространстве потоков информации», где социальные движения способны мобилизоваться без традиционных иерархических структур, используя горизонтальные связи [15, с. 135–137]. Примеры движений #MeToo или глобальных экологических инициатив демонстрируют способность цифровых платформ быстро агрегировать общественный запрос и формировать повестку дня в обход традиционных медиагейткиперов. Тем не менее такая мобилизация часто оказывается ситуативной, эмоциональной и лишенной долгосрочной программной основы, что затрудняет трансляцию протестного потенциала в устойчивые политические изменения. Критическим аспектом цифрового участия является феномен «слактивизма» – формы активности, требующей минимальных усилий (лайки, репосты, подписки) и создающей у субъекта иллюзию реального политического влияния. Е. Морозов в своей критике «кибер утопизма» утверждает, что «легкость онлайн-действия часто подменяет собой рискованное и затратное офлайн-действие, приводя к инфляции политического участия» [16, с. 56–58]. В результате количественный рост актов вовлеченности не коррелирует с качеством принимаемых решений, а удовлетворение от виртуальной активности снижает мотивацию к реальным изменениям. Важнейшей особенностью цифрового участия является его опосредованность алгоритмами, которые регулируют видимость контента и формируют информационную повестку. К. Санстейн предупреждает о рисках формирования «информационных пузырей» и «эхо-камер», где пользователь сталкивается лишь с подтверждающей его точку зрения информацией [17, с. 79–81]. Алгоритмическая персонализация контента способствует углублению социальной поляризации и фрагментации общественного пространства, разрушая основу для рационального диалога. Кроме того, распространение фейкньюс и дезинформации становится инструментом геополитического и внутриполитического влияния.

Российский эксперт А. В. Манойло подчеркивает, что «информационно-психологическая безопасность становится ключевым элементом национального суверенитета в условиях цифровизации политических процессов» [18, с. 104–106]. Несмотря на декларированную всеобщую доступность, цифровое участие воспроизводит и зачастую усугубляет социальные неравенства через механизм «цифрового разрыва». Ян ван Дейк выделяет не только неравенство в доступе к инфраструктуре (первый уровень), но и неравенство в навыках использования технологий, мотивации и материальных средствах [19, с. 45–47]. Группы населения, не обладающие необходимыми цифровыми компетенциями (пожилые и малообразованные люди, жители периферии), оказываются исключены из новых форм политического диалога, что создает риск формирования закрытой «цифровой элиты», монополизирующей право на голос в сетевом пространстве. Сопоставление античной модели полиса и современной цифровой среды позволяет выявить нелинейный, спиралевидный характер эволюции политических форм. Цифровое общество демонстрирует черты архаичной прямой демократии, однако технологическая медиация вносит фундаментальные коррективы в природу политического взаимодействия. На основе проведенного анализа выдвигается гипотеза о формировании «Неополиса» – виртуального пространства, обладающего внешней атрибутикой прямой демократии (массовость, мгновенность, открытость), но лишенного ее этического фундамента – физической ответственности и совместного проживания. Главной точкой сближения является стремление к непосредственному политическому влиянию без посредников. В обоих случаях наблюдается попытка минимизировать роль репрезентативных институтов. Вторым общим признаком является высокая степень публичности. Социальные сети выполняют функцию «цифровой агоры», обеспечивая прозрачность действий элит и возможность горизонтального контроля. Ю. Хабермас отмечал важность открытой дискуссии для легитимации власти, что роднит идеалы полиса и нормативную модель раннего Интернета как пространства рациональной коммуникации

[20, с. 63–65]. И. И. Гандалоев в статье «Типология форм политического участия» предлагает классификацию, основанную на семи критериях (масштаб участия, степень вовлеченности, стимулы участия, среда участия, тип участников, тип деятельности, соответствие нормам, или легитимность), что позволяет комплексно анализировать современные гибридные формы, включая цифровые [21, с. 159–161]. Несмотря на структурное сходство, содержательные различия носят критический, онтологический характер. Во-первых, масштаб и гомогенность. Античный полис был ограничен физически и демографически, что позволяло поддерживать относительную гомогенность ценностей и идентичности. Цифровое пространство глобально и безгранично, что приводит к фрагментации аудитории на изолированные сообщества и субкультуры, затрудняя формирование общезначимого согласия [17, с. 80–82]. Во-вторых, качество дискуссии. Полисная демократия опиралась на устную риторику, личное присутствие и телесность политического акта. Аристотель подчеркивал, что политическое суждение требует практической мудрости, воспитываемой в живом общении. Цифровая коммуникация характеризуется клиповым мышлением, текстовой редукцией и анонимностью, что способствует упрощению сложных проблем до бинарных оппозиций и эмоциональным всплескам. В-третьих, ответственность. В полисе решение влекло прямую персональную ответственность гражданина перед общиной. В цифровом обществе ответственность размыта: анонимность аккаунтов и дистанцированность снижают цену слова и облегчают деструктивное поведение.

Бён Чхоль Хан указывает на то, что цифровая прозрачность часто превращается в инструмент тотального контроля, но не способствует подлинной ответственности субъекта, порождая «общество прозрачности без доверия» [22, с. 86–88]. Ш. Зубофф в концепции «капитализма надзора» предупреждает, что цифровые платформы могут использовать участие пользователей для извлечения поведенческих данных и манипуляции в коммерческих или политических целях [23, с. 113–115].

Таким образом, «Неополис» представляет собой симулякр, он воспроизводит форму античного участия, но наполняет его содержанием массового общества потребления и данных. Российские исследователи цифровизации, такие как К. Е. Платонов, также указывают на риски подмены реального политического процесса его цифровой имитацией в условиях трансформации государственного управления, где видимость активности важнее сути решений [24, с. 74–76]. Важно учитывать, что развитие цифрового участия не происходит в вакууме, а зависит от национально-политического контекста. В. А. Евстафьев в работе «Государственные институты Беларуси в процессах политического участия» анализирует специфику политического участия в конкретном государстве, выделяя доминирующую роль государственных институтов в организации участия, ограниченную автономию общественных организаций и специфику электорального поведения [25, с. 49–51]. Этот анализ показывает, что типология политического участия должна учитывать институциональную среду конкретного государства: в одних контекстах цифровизация ведет к либерализации, в других – к усилению техно-авторитарных практик.

**Заключение**

Проведенное исследование позволяет констатировать, что историческое развитие демократических практик представляет собой сложную траекторию трансформации форм и смыслов вовлеченности граждан. Эволюционный путь прошел три ключевых этапа: от элитарного прямого участия в античном полисе к массовому представительному управлению в эпоху Модерна и далее к фрагментированному сетевому взаимодействию в постмодерне. Анализ показал, что технологическое развитие само по себе не отменяет фундаментальных проблем политики. Вопросы распределения власти, достижения компромисса и справедливости остаются центральными. Как отмечал М. Вебер, политика требует ответственности и чувства меры, которые трудно транслировать через цифровые интерфейсы. Цифровизация повышает количество актов участия, но ставит под вопрос их делиберативное качество. Феномен слактивизма и алгоритмическая поляризация свидетельствуют о том, что легкость клика не эквивалентна весомости голоса. Гипотеза о формировании «Неополиса» подтверждает, что современное циф-

ровое общество воспроизводит форму прямой демократии Античности, но лишено ее этического ядра, основанного на добродетели и личной ответственности. В перспективе наиболее жизнеспособной моделью представляется развитие гибридных форм демократии, сочетающих эффективность представительных институтов с инклюзивностью цифровых платформ. Однако реализация этого потенциала требует повышения цифровой грамотности населения, развития правовых норм, регулирующих использование больших данных в политике, и создания механизмов защиты от рисков техно-авторитаризма. Будущее политического участия зависит от способности общества адаптировать гражданские институты к новым условиям, где цифровой инструмент служит средством усиления политической субъектности, а не ее суррогатной заменой.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Античная политическая мысль : хрестоматия / сост. В. В. Соколов. – М. : Мысль, 1990. – 543 с.

2. Аристотель. Политика / Аристотель. – М. : Мысль, 1997. – 464 с.

3. Арендт, Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт. – СПб. : Алетейя, 2000. – 412 с.

4. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

5. Ван Дейк, Я. Общество сетей / Я. Ван Дейк. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2020. – 312 с.

6. Гандалоев, И. И. Типология форм политического участия / И. И. Гандалоев // Власть. – 2022. – № 1. – С. 158–163.

7. Гринберг, Т. Я. Политическая реклама и цифровая среда: новые вызовы / Т. Я. Гринберг // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 67–82.

8. Евстафьев, В. А. Государственные институты Беларуси в процессах политического участия / В. А. Евстафьев // Журнал Белорусского государственного университета. Политология. – 2020. – № 3. – С. 48–57.

9. Зубофф, Ш. Эпоха капитализма надзора / Ш. Зубофф. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2022. – 624 с.

10. Информационное общество и электронное государство в России : монография / под ред. А. В. Дашкова. – М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2018. – 245 с.

11. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2016. – 456 с.

12. Манойло, А. В. Информационно-психологическая безопасность в условиях цифровизации / А. В. Манойло // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. – 2021. – Т. 27, № 2. – С. 103–118.

13. Михельс, Р. Социология политической партии в условиях демократии / Р. Михельс // Диалектика власти : сб. ст. – М. : РОССПЭН, 2006. – С. 145–189.

14. Морозов, Е. Спасти все, кликнув здесь. Иллюзии интернет-активизма / Е. Морозов. – М. : Альпина Паблишер, 2014. – 288 с.

15. Платонов, К. Е. Цифровая трансформация государственного управления: риски имитации / К. Е. Платонов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 85. – С. 73–89.

16. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Канон-пресс, 1998. – 384 с.

17. Санстейн, К. Р. #Республика / К. Р. Санстейн. – М. : АСТ, 2017. – 256 с.

18. Сартори, Дж. Теория демократии / Дж. Сартори. – М. : Прогресс, 1995. – 320 с.

19. Сморгунов, Л. В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии / Л. В. Сморгунов. – М. : РОССПЭН, 1999. – 312 с.

20. Финли, М. И. Демократия древняя и современная / М. И. Финли. – М. : РОССПЭН, 2007. – 287 с.

21. Хан, Б. Ч. Прозрачное общество / Б. Ч. Хан. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2019. – 128 с.

22. Хансен, М. Х. Афинская демократия в эпоху Демосфена / М. Х. Хансен. – М. : Ладомир, 1997. – 432 с.

23. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000. – 352 с.

24. Шумпетер, Й. А. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М. : Эксмо, 2007. – 512 с.

25. Анищенко, А. В. Феномен цифрового политического участия: формы, модели и сущностные аспекты / А. В. Анищенко // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2020. – № 3. – С. 42–58.

REFERENCES

1. Antichnaya politicheskaya mysl’ : khrestomatiya / sost. V. V. Sokolov. – M. : Mysl’, 1990. – 543 s.
2. Aristotel’. Politika / Aristotel’. – M. : Mysl’, 1997. – 464 s.
3. Arendt, H. Vita Activa, ili O deyatel’noj zhizni / H. Arendt. – SPb. : Aleteiya, 2000. – 412 s.
4. Veber, M. Izbrannye proizvedeniya / M. Veber. – M. : Progress, 1990. – 808 s.
5. Van Deyk, Ya. Obshchestvo setey / Ya. Van Deyk. – M. : Izd. dom VShE, 2020. – 312 s.
6. Gandaloev, I. I. Tipologiya form politicheskogo uchastiya / I. I. Gandaloev // Vlast’. – 2022. – № 1. – S. 158–163.
7. Grinberg, T. Ya. Politicheskaya reklama i tsifrovaya sreda: novye vyzovy / T. Ya. Grinberg // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2019. – № 4. – S. 67–82.
8. Yevstaf’ev, V. A. Gosudarstvennye instituty Belarusi v processakh politicheskogo uchastiya / V. A. Yevstaf’ev // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Politologiya. – 2020. – № 3. – S. 48–57.
9. Zuboff, Sh. Epokha kapitalizma nadzora / Sh. Zuboff. – M. : Izd. dom VShE, 2022. – 624 s.
10. Informatsionnoe obshchestvo i elektronnoe gosudarstvo v Rossii : monografiya / pod red. A. V. Dashkova. – M. : Izd. dom GU-VShE, 2018. – 245 s.
11. Kastel’s, M. Vlast’ kommunikatsii / M. Kastel’s. – M. : Izd. dom VShE, 2016. – 456 s.
12. Manoylo, A. V. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost’ v usloviyakh tsifrovizacii / A. V. Manoylo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sotsiologiya i politologiya. – 2021. – T. 27, № 2. – S. 103–118.
13. Mikhel’s, R. Sotsiologiya politicheskoj partii v usloviyakh demokratii / R. Mikhel’s // Dialektika vlasti : sb. st. – M. : ROSSPEN, 2006. – S. 145–189.
14. Morozov, Ye. Spasti vse, kliknuv zdes’. Illyuzii internet-aktivizma / Ye. Morozov. – M. : Al’pina Pablisher, 2014. – 288 s.
15. Platonov, K. Ye. Tsifrovaya transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya: riski imitacii / K. Ye. Platonov // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. – 2021. – № 85. – S. 73–89.
16. Russo, Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore / Zh.-Zh. Russo. – M. : Kanon-press, 1998. – 384 s.
17. Sansteyn, K. R. #Respublika / K. R. Sansteyn. – M. : AST, 2017. – 256 s.
18. Sartori, Dzh. Teoriya demokratii / Dzh. Sartori. – M. : Progress, 1995. – 320 s.
19. Smorgunov, L. V. Sravnitel’naya politologiya: teoriya i metodologiya izmereniya demokratii / L. V. Smorgunov. – M. : ROSSPEN, 1999. – 312 s.
20. Finli, M. I. Demokratiya drevnyaya i sovremennaya / M. I. Finli. – M. : ROSSPEN, 2007. – 287 s.
21. Khan, B. Ch. Prozrachnoe obshchestvo / B. Ch. Khan. – M. : Ad Marginem Press, 2019. – 128 s.
22. Khansen, M. Kh. Afinskaya demokratiya v epokhu Demosfena / M. Kh. Khansen. – M. : Ladomir, 1997. – 432 s.
23. Khabermas, Yu. Moral’noe soznanie i kommunikativnoe deystvie / Yu. Khabermas. – SPb. : Nauka, 2000. – 352 s.
24. Shumpeter, J. A. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya / J. A. Shumpeter. – M. : Eksmo, 2007. – 512 s.
25. Anishchenko, A. V. Fenomen tsifrovogo politicheskogo uchastiya: formy, modeli i sushchnostnye aspekty / A. V. Anishchenko // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Politicheskie nauki. – 2020. – № 3. – S. 42–58.

*Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.04.2024*